

Он с трудом открыл глаза. Долгий и муторный сон не принес облегчения — едва сознание вернулось, Линь Яньдуна захлестнула острая, пульсирующая боль в плече и животе. Он уже готов был взвыть, но боковым зрением уловил чью-то тень. Он тут же прикусил язык и зажмурился, продолжая притворяться спящим.

Вокруг царила тишина. Подождав немного и не почувствовав чужого дыхания, Яньдун рискнул приоткрыть веки. Но стоило ему едва открыть глаза, как он наткнулся на взгляд мужчины в богатых одеждах. Тот стоял у самой кровати и с нескрываемым нетерпением смотрел на него сверху вниз.

— Долго еще будешь ломать комедию? — ледяным тоном осведомился Князь Нинъян, Чжао Цзинжэнь, брезгливо стряхивая с рукава невидимую пылинку.

«Ну и где же обещанный Янь Шэнем „старый нежный дружок в цветастых тряпках“?» — мелькнуло в голове у Линя. Перед ним стоял очередной взыскатель долгов, не меньше. Поняв, что притворство раскрыто, Яньдун изобразил натужный кашель.

— Ох... Кхе-кхе... Ваше Высочество... Прошу прощения, малый просто... просто от боли в глазах потемнело, вот и решил еще минутку полежать. — «Не спал я, честное слово, не спал...»

— Я тебя спрашиваю, — Чжао Цзинжэнь присел на край постели. Движения его поначалу казались изысканными и плавными, но вдруг он сорвался — вцепился мертвой хваткой в воротник больного и встряхнул его. — Придурок! Хватит паясничать! Ты думаешь, я тебя не раскусил?!

— Да как вы могли такое подумать!.. — начал было оправдываться Линь Яньдун, но договорить не успел: звонкая пощечина заставила его голову мотнуться в сторону.

— Того наивного мальчишку ты, может, и обвел вокруг пальца, но меня тебе не провести.

— Я... — Щека горела огнем, в ушах звенело, а шею, казалось, заклинило намертво. Любое движение отзывалось во всем теле невыносимой мукой. — Твою ж мать! — не выдержал он.

Видно, в этот день он забыл помолиться какому-то очень важному божеству, раз его бьют все кому не лень.

Услышав столь откровенное ругательство, Чжао Цзинжэнь, как ни странно, смягчился и разжал пальцы.

— Ты! Да ты просто... — Лу Силай, чувствуя, что слова «скотина» явно недостаточно, чтобы выразить всё кипящее в нем негодование, осторожно коснулся щеки. — Ну, раскусил и раскусил, обязательно было так прикладываться?!

— Я искал тебя семь лет. Считай, что этой пощечиной ты легко отделался. Если бы не твои раны... я бы... — Князь Нинъян заскрежетал зубами, но внезапно его тон изменился на вкрадчивый. — Если бы я опоздал хоть на шаг... Лу Силай...

Ярость в его голосе мешалась с тревогой, слова теснились в горле, не давая вздохнуть. В конце концов, так и не найдя нужного слова, Чжао Цзинжэнь снова притянул его к себе, намереваясь впиться в его губы поцелуем.

Он и не заметил, что схватил Лу Силая как раз за раненое плечо. Тот выгнулся дугой и истошно заорал.

— А-а-а-а!!!

Этот вопль, способный поднять мертвого из могилы, прозвучал так вовремя и так яростно, что Князь Нинъян отпрянул. Мимолетная страсть мгновенно сменилась раздражением — Чжао Цзинжэнь был в ярости, но, взглянув на побледневшего от боли беглеца, он лишь тяжело вздохнул и отступил на пару шагов.

— Говорят, Янь Шэнь одним ударом шеста вышиб из тебя всю дурь и заставил показать истинное лицо, — проговорил Князь Нинъян без тени сочувствия, усаживаясь за стол и наливая себе чаю.

При упоминании премьер-министра, чей гнев был подобен стихийному бедствию, Лу Силай вздрогнул и с надеждой уставился на князя.

— И что мне теперь ему сказать? — Князь Нинъян сделал глоток, с усмешкой наблюдая за его реакцией. — Всё зависит от твоего поведения.

Этот человек видел его насквозь, и это пугало. Лу Силаю ничего не оставалось, кроме как изобразить улыбку, больше похожую на гримасу боли.

— Мы же столько лет знакомы... Ты ведь... не собираешься меня выдавать?

Князь Нинъян прикрыл глаза и промолчал, лишь загадочно улыбнувшись в ответ.

— Ладно, ладно... — заискивающе протянул Лу Силай, понимая, что деваться некуда. — Раз уж попался, так и быть... я пойду с тобой.

Услышав это, Чжао Цзинжэнь заметно оживился и принял величественный вид.

— «Я лично проверил его пульс: ни капли внутренней энергии, он и близко не смыслит в боевых искусствах. Премьер-министр Янь, вы схватили не того. Не стоит дергать меня по

пустякам из-за каждого встречного-поперечного. Хм!»

Он разыграл эту сцену так живо, что позавидовал бы любой актер. Лу Силай пришел в восторг и тут же принялся давать наставления:

— Вот! Именно так! И «хм» должно звучать максимально раздраженно. А потом — гневно взмахни рукавом и уходи!

Однако Чжао Цзинжэнь явно имел свои виды на финал этой пьесы.

— Как это — уходить?! — возмутился он.

— А что тебе еще здесь делать?

Князь Нинъян гордо вскинул подбородок:

— «Впрочем, малый кажется мне смышленным, считать-писать умеет. Пожалуй, заберу его к себе — будет у меня счетоводом».

—...К черту твоего деда и твою бухгалтерию!

Возмущенный Лу Силай кое-как натянул сапоги и выбрался во двор, чтобы глотнуть свежего воздуха, но тут же поймал предупреждающий взгляд Чжао Цзинжэня. Навострив уши, он услышал шаги. Мужчины переглянулись — объяснения были не нужны.

Когда Янь Шэнь показался из-за угла, перед ним предстала живописная картина: Линь Яньдун с видом побитой собаки семенил за мрачным, как грозовая туча, князем.

Заметив премьер-министра, Чжао Цзинжэнь остановился и отчеканил заученный текст:

— Я лично проверил его пульс. У этого человека нет ни капли внутренней энергии! Он в жизни меча в руках не держал! Господин Янь, вы ошиблись. В следующий раз потрудитесь разобраться сами, прежде чем звать меня за тридевять земель!

Янь Шэнь промолчал, продолжая буравить их подозрительным взглядом. Лу Силай отчаянно замигал князю, беззвучно шевеля губами: «Взмахни рукавом! Уходи же!»

Вспомнив о чем-то, Чжао Цзинжэнь поспешно добавил:

— Впрочем, малый кажется мне смышленным, считать-писать умеет. Пожалуй, заберу его к себе в поместье управляющим.

«Да не это ты должен был сказать!!!»

В голове у Лу Силая точно что-то взорвалось. Понимая, что медлить нельзя, он запричитал, пытаясь спасти положение:

— Благодарю за милость, Ваше Высочество, но я человек никчемный, где уж мне в княжеском поместье дела вести...

Янь Шэнь, до этого хранивший молчание, неожиданно обошел их и распахнул дверь в комнату.

— Раз уж ты умеешь считать и писать, останешься в моем распоряжении. Будешь управляющим в поместье премьер-министра.

Лу Силай понял: Янь Шэнь не купился. Он помрачнел и, бросив мимолетный взгляд на Чжао Цзинжэня, поплелся вслед за хозяином дома, придерживая больное плечо.

— Господин Янь, господин Янь... Линь человек безродный и бесталанный, не достоин я такой чести...

— Давай проясним кое-что, — Янь Шэнь швырнул принесенные свитки на стол. Несмотря на молодость, его властному тону позавидовал бы любой ветеран службы. — Я не предлагаю тебе место. Я приказываю тебе его занять.

Чжао Цзинжэнь мгновенно перестал улыбаться. Он не отличался кротким нравом, а уж после того, как с детства рос в неге и почете, и вовсе не привык, чтобы кто-то смел проявлять характер в его присутствии. Но не успел князь и рта раскрыть, как Линь Яндун с преувеличенным рвением рухнул на колени.

— Благодарю за доверие, господин премьер-министр! — И, помедлив, добавил: — Три лян и двести монет в месяц... Вас устроит?

Чжао Цзинжэнь опешил. Этот негодяй предпочел остаться здесь, лишь бы не идти с ним?! Он едва не задохнулся от возмущения, лишь гневно фыркнул и стремительно покинул двор.

— Я, конечно, не сказочно богат, но не до такой степени, чтобы обдирать своего управляющего. Будешь получать десять лян серебром. — Сказав это, Янь Шэнь внезапно растерял всю свою спесь и тяжело опустился на стул.

Лу Силай поднял на него глаза. Тишина, окутавшая премьер-министра, показалась ему странной и тревожной. Наконец Янь Шэнь заговорил сам:

— Теперь я верю, что ты не Лу Силай... Будь это он, он бы когтями землю рыл, лишь бы

сбежать отсюда.

Лу Силай опустил глаза и не проронил ни звука.

— Семь лет назад он спас мне жизнь.

— Господин премьер-министр...

— Почему он сбежал? Если он так боялся связей с властью... зачем тогда полез в пекло ради меня?!

Линь Яньдун лишь коснулся лбом пола в глубоком поклоне.

— Этот ничтожный... не знает.

Янь Шэнь перестал терзать себя воспоминаниями и, взглянув на распростертого перед ним человека, негромко произнес:

— Поднимайся.

Он протянул руку, помогая Линь Яньдуну встать. Тот, кривясь от боли, оперся на него, но внезапно почувствовал неладное. Нахмурившись, он попытался резко отдернуть правую руку.

Но Янь Шэнь уже не собирался отступить. Вся его недавняя меланхолия испарилась — он мертвой хваткой вцепился в рукав Яньдуна. Поняв, что маски сорваны, Лу Силай остервенел: он выставил и левую руку, пытаясь защитить правую. Они нырнули руками в просторные рукава, точно юркие рыбины в мутной воде. Завязалась нелепая потасовка: один пытался нащупать запястье, другой извивался, уходя от захвата. Пальцы сплелись, костяшки сталкивались, пока руки не затянулись в тугий узел.

Тяжело дыша, они замерли, сверля друг друга взглядами.

— Врешь и не краснеешь! Ты — Лу Силай! А ну, дай проверить пульс!

— С какой стати?! Ты же сам только что нес какую-то чушь про «будь это он, он бы сбежал»!

— Ты сам понял, что это чушь! Откуда мне знать, не просчитал ли ты этот ход заранее?!

— Да я из чистых побуждений остался тебе помогать, а ты... Ты вообще человек?!

— Заткнись! — Янь Шэнь, стиснув зубы, резко ударил его под колено.

С сухим хрустом «счастливчик» рухнул на пол, издав вопль боли. Янь Шэнь, не теряя ни секунды, придавил его к земле, вывернул правую руку за спину и прижал пальцы к запястью. От этого рывка раны на плечах открылись, и Лу Силай заголосил так, что в соседнем квартале собаки завыли.

Спустя мгновение Янь Шэнь отбросил его руку и медленно выпрямился. Он молчал.

Пульс не лгал. Как и утверждал Князь Нинъян, в теле этого пройдохи не было ни следа ци. Обычный смертный, слабый и хрупкий.

— Ну что, нащупал?! Ты, болван! — Лу Силай, размазывая слезы по лицу, кое-как дополз до стула и начал карабкаться вверх. — Скотина.

Янь Шэнь отвернулся, погружившись в тяжелое раздумье. Всё это не укладывалось в голове.

— Раз у тебя нет способностей к боевым искусствам, почему ты так отбивался?

Лу Силай, переведя дух, тут же нашелся:

— Откуда мне было знать, что у тебя на уме? Просто не хотел, чтобы ты меня лапал!

— Не юли! Ты явно...

— А что, если я из «этих»? Вдруг у меня страсть к обрезанным рукавам? Встретил такого красавца, как вы, сердце и зашло. Что, нельзя уже?

Голова Лу Силая всё еще гудела, и он молот первое, что приходило в голову. Лишь когда в комнате стало неестественно тихо, он поднял взгляд и увидел, как Янь Шэнь яростно нахмурился.

— То есть... я хотел сказать...

Но объясняться было поздно. Пощечина, стремительная и хлесткая, настигла его мгновенно. В голове у Лу Силая что-то грохнуло, мир завертелся перед глазами, и он едва не снес стол, рухнув на него грудью.

— Бесстыжая тварь! — выплюнул Янь Шэнь и, хлопнув дверью, яростно вылетел вон.

<http://bllate.org/book/17426/1692075>